

Вера Калмыкова

Стихотворения

Калмыкова Вера Владимировна родилась в 1967 г. в Москве. Кандидат филологических наук, искусствовед, член Союза писателей Москвы и Манделштамовского общества. Стихи и статьи опубликованы в журналах «Арион», «Дружба народов», «Звезда», «Знамя», «Литературная учеба», «Вопросы литературы», «Нева», «Новый мир», «Октябрь», «Сибирские огни», «Урал» и др. Автор исследований по истории литературы и изобразительного искусства, двух поэтических сборников: «Первый сборник» (Милан, 2004) и «Растревоженный воздух» (Москва, 2010), а также книги «Очень маленькая родина» (совместно с фотографом Сергеем Ивановым), которая стала лауреатом конкурса «Книга года». Автор статей в ряде энциклопедических изданий. Лауреат премии им. А. М. Зверева (журнал «Иностранная литература»). Живет в Москве.

* * *

После каждой встречи лучше сказать: «Прощай»
и отбыть в неизвестность по имени «Без тебя».
Бутерброд с Вавилонскую башню и крепкий чай.
Поделюсь с собакой, крошки скормлю голубям.
Под струёй кипятка раскрывается чайный лист,
форму растенья себе возвратив на миг.
Не сомневайся: я опытнейший логист,
я складирую бережно каждый твой вздох и вскрик.
Сохраняя достоинство, лучше бы: «Будь здоров,
не кашляй, типа». А лезет: «Не простудись.
Вернись.
Оденься теплей».
Ожидаю тебя терпеливее всех Пенелоп
и всех до единой длительнее Психей.

Оживает скучнейший кухонный натюрморт.
Любой искривляется угол, вывернут наоборот.
Всякий предмет раздваивается на глазах.
И всякая мелочь жизни приказывает: «Вперёд,
не отступать! Не сдаваться! Идти, соблюдая строй
души!» – Наверное, это бой.

А может, уже любовь,
такая, какой не пугали и в детских снах.

Возможно, я выросла. Стала большой. Она взрастила меня.

Раньше всё не взрослела, откладывала на потом.

И что теперь? Ни коснуться тебя, ни обнять.

Только имя твоё обступает везде, кругом.

Ох этот звук! Радиоточка торчит внутри,

и ни снять её, ни заткнуть – такая вот ерунда.

Слишком прочен провод, хотя безнадежно крив.

И волну, на которой я, нельзя никуда

передать.

Умирать не хочется; мир хорош; хочется умереть,

и уже не боюсь экзамена там, наверху.

Больно смотреть на тебя. Ещё больней – не смотреть.

Что, не могу без тебя? Понятно ведь,

что – могу.

К сожалению, мой Амур не только слеп – косоглаз.

Он промахивался всегда. Промазал и в этот раз.

Сколько слов у меня – ни один не имел синклит.

Говорят, риторика в этих делах вредна.

Понимаю, всё это метафоры, хотя душа взаправду болит,

будто она телесна. Будто она одна.

* * *

рождение стиха –
движение жизни
минуты падают
секунда за секундой
за буквой буква
капает на лист
ещё немножко
и строка готова
всё кончено
исчерпано
прошло

окаменелый
перечень мгновений
и наполнение времени –
стихи

* * *

Эта осень, что нам наступала на пятки
шуршащей листвой,
начинавшей звучать
за мгновение до шага.
И каштаны в аллее –
добровольный безмолвный конвой.
Так встречает бумага
старомодную вязь паутины обрывков седых,
или птичьего шрифта на инее тонком следы,
иль курсива осеннего солнца
дрожащий привет.
Я тебя позову,
я для этого вышла на свет.
Эта лестница – помнишь, всё ниже и ниже с небес
золотые спускались ступени,
колыхались на фоне
разлитой сплошной бирюзы,
комариною дудкой звенели,
рассекая разреженный воздух.
Я тебя позвала,
хоть казалось, что поздно.
Я тебя позвала,
перепутала выдох и вдох,
но успела промолвить призыв –
и услышала отзвук.

* * *

Мы оба свободны,
как крылья убитой птицы
свободны от птицы.
Мы оба вольны,

как вода на морозе.
Мы оба спокойны.

Пока мы врозь,
никому не грозит никакое чудо.

И каждый твердит себе:
не привязывайся. Это зависимость.
Это наркотик.

Но и к себе привязываться не стоит.
Сгнило
древо здравого смысла.
Стоит,
изнутри пустое.

* * *

Никогда я не занималась спортом,
и кто бы подумать мог,
что теперь придётся
завзятым канатоходцем,
оставляя где крови сгусток,
где кожи клоч,
вбивая крюки
в вертикальный раструб колодца,
словно это купол цирка, и лонжа дрожит,
петля затягивает, а не страшует,
зрителей нет, внизу – одичалые миражи,
и вот-вот
в лоскуты порвёт
нежную плоть тугую, –

рассекать безвоздушный ужас,
не смея закрыть глаза,
зная: не выбраться – некуда выбираться,
стремиться в ту сторону, куда и мечтать нельзя,
потому что там вообще нет никакого пространства,
и надо его создать – как во сне, неизвестно зачем,
но обязательно, иначе мы все умрём.

Я совсем не держу равновесье.
Я никакой спортсмен.
Только там проступают контуры.
Кажется, мы вдвоём.

* * *

Произнося слова,
я всё меняю.
Молчу – меняю тоже.
Не хочу
менять –
меняю.
Что за наваждение!
Меня не будет –
тоже
изменяю.

* * *

Мой путь – идти, не двигаясь, к тебе.
Не шевелясь, растягивать сознание
от берегов к измышленному центру,
как сводят мост посереде реки.

Не за предел тянуться, а к пределу,
ещё мне непонятному, как миг,
вещающий так много и всё больше,
а я его не в силах воспринять.

рассвет ноябрьский – молоко грудное
земли – ложится свет, как будто снег –
я так люблю тебя – я так скучаю –
зажги зарю – зажги её скорей

Мне ожидание – и цель и средство,
и острыми краями парадокса
царапает оно и плоть и душу,
а боль – лекарство против пустоты.

Распространив сознание, может быть,
я всё-таки довытянусь до чуда,
рукой не шевельнув, я мост построю,
а там, где двое, там предела – нет.

* * *

Я так хочу поговорить с тобой.
О том ли,
что листопад, и грязь, и кутерьма
семян опавших, их соревнованье
за следующий урожайный год,
за право на дальнейшее цветенье.

Я так хочу поговорить с тобой.
О том,
что снегопад, и мёрзлая вода
остекленела, земляные комья
окаменели,
и стекло и камень
вот-вот покров
воздушный
перервут...

А может быть, о том,
что кромка неба
едва видна из моего окошка,
а так – всё дождь да солнце,
дождь да солнце,
как будто ниоткуда, никуда...

Как важно всё – и грязь, и снегопад,
стекло и камень, хляби и растенья,
и окна, и лучи...

Проходят годы,
а я не знаю, что сказать тебе.